

КОНТРАБАНДИСТ

В среду после обеда Зюбин получил паспорт моряка заграничных плаваний и вскоре был вписан в судовую роль отходящего в Японию судна. Выпив по такому случаю вина с такими же новоиспеченными моряками дальнего заплыва, Зюбин довольный пошел домой. Дома его ждали жена и двое детей. Он любил их всех, поэтому доброжелательно поглядывал на хорошеньких женщин и милых детишек, попадающихся ему на пути; они должны были здорово сожалеть, что не у всех такие мужья и отцы, как он. Жена Зюбина знала, что день у мужа сегодня будет особенным, и он не боялся появиться с запахом вина и даже не пытался уничтожить его лавровым листом или жевательной резинкой, как вынужден был бы сделать в любом другом случае.

Он ввалился в малосемейку шумно, сразу высыпал из куляка шоколадные конфеты прямо на пол, и дети: старший сын Сергей и дочка Маришка - с криком кинулись собирать сладости. Жена Люба, вытирая полные руки фартуком, с улыбкой наблюдала за всеми одновременно, понимая, что у мужа все в порядке и радость должна быть общей.

- Вот, - Зюбин вытащил паспорт, отличающийся от обычного тем, что на его обложке ниже "СССР" стояло еще и иностранное "USSR", - виза, полюбуйся. Открой и почитай, все не как у нас: Зюбин Дмитрий. Рост сто семьдесят пять, глаза коричневые.

- Уж у тебя коричневые, - со смехом сказала жена, беря в руки диковинный документ.

- У них другого нет. Коричневый, а потом сразу черный. А перед этим серый.

- Ну, как же, глаза есть, а слов нет.

- И мне вису, - надула губки пятилетняя Маришка, прижимая к себе несколько штук конфет.

- Сележка больше меня насобилал.

- Будет и тебе виза, Маришка, - Зюбин подхватил дочку на руки и поцеловал ее в щеку. - После первого рейса. В Ниигату идем, - пояснил он жене, с трудом удерживая расплывающиеся губы.

Маленький рот на круглом лице жены подрагивал, то обнажая, то скрывая плотные зубы. Серые глаза ее словно плавали в ямках глазниц, тая от умиления. Муж ей казался куда более высоким, чем указано в паспорте, он чуть не задевал потолок, а шириной плеч раздвигал узкую общежитскую прихожую.

Ужинали они в "зале", то есть в комнате, где спали Зюбин с женой и дочкой. На кухне, кроме стола и печки, умещалась наперекор геометрическим законам еще и деревянная узкая кровать для Сережки. Днем она ставилась на бок и была похожа на комод. Можно было поужинать и на кухне, но в "зале" стоял телевизор, и это придавало праздничность обычному ужину. Телевизор был старенький, подаренный родителями Любы в день свадьбы, но Зюбин не хотел покупать новый для такой тесной квартиры. "Получим приличную квартиру, - обещал он, - тогда и приобретем что-нибудь посolidнее". Когда он говорил это, Сережка только родился и тогда, в самом деле, трудно было идти на дополнительные расходы.

- Ничего, - ободряюще сказал Зюбин, когда по экрану пошли зигзаги и диктор центрального телевидения начал корчить рожи, - возьму сразу японский, цветной. Ты не поверишь, Люба, у них подержанный, но в хорошем состоянии телевизор стоит две или три тысячи йен.

- Батюшки! - ахнула жена. - Как раз купишь ты.

- Чудачка, - усмехнулся Зюбин, - ихняя тыща с руками и ногами в нашу пятерку влазит. По-нашему ихний телевизор рублей десять-пятнадцать будет стоить.

- Уж ты навесишь лапши, - недоверчиво покачала головой жена. - Захвати тогда уж парочку - и для стариков.

- А и захвачу. Не сразу, конечно. Но будет. И джинсы всем будут. А как же - первое дело.

- И мне зынсы! - быстро заказала Маришка, пока Сережка только открывал рот.

- Сначала мне и маме, - строго сказал Зюбин.

- Нет, мне зынсы! - захныкала дочь.

- Спать хочет, хлюздит, - определил Зюбин. - Давай-ка раскидывать ночлежку.

Маришка уснула быстро, спрятав часть конфет под подушку, а Сережка еще долго возился на кухне, мешая Зюбину как следует проститься с женой перед уходом в большой каботаж.

- Японцы - чудной народ, - шептал он в темноте, - у них такие штуки всякие, мужики рассказывали, и никакого стеснения. Туалеты совместные, только перегородки до груди.

- Ой, умру! - еле сдерживалась жена. - Не рассказывай мне басен, а то лопну от смеха.

- А что ты думаешь, - улыбался Зюбин, - это же совсем другой мир. То, что мы с тобой под одеялом, в полной темноте, у них в кино, в цветном изображении.

- Нечего тебе в кино делать! - строго предупредила жена. - Здесь сходим вместе.

- Да я, к примеру, что я дурак - валюту тратить. Скажем, получу я пять тысяч йен, а билет стоит две тысячи, что я - пень?

Зюбину приятно было называть тысячи, которые он никогда в жизни не держал в руках, приятно было обещать то, чего он сам никогда не видел собственными глазами. Но судовая роль, где его фамилия стояла под номером двадцать шесть, ясно впечаталась в его сознании и делала возможным все то, о чем он пока только мечтал.

Теплоход "Сибирьлес" был старой, пенсионного возраста посудинной. Ему третий год подряд Регистр продлял срок списания на гвозди, и он шлепал через Японское море на коротком плече, ловко скрывая течь в румпельном отделении, которую в каждом рейсе останавливали цементной замазкой. Зюбин знал, что этот теплоход скоро спишут или он сам затонет где-нибудь на переходе, вот тогда у него появится шанс попасть на новый, хорошо бы финской постройки, на котором отдельные каюты для каждого члена экипажа, да еще с душем и туалетом. И хотя для нашего флота по мифической просьбе трудящихся жилплощадь кают урезали с тем, чтобы увеличить полезный объем трюмов, все равно, даже в урезанном виде работать на таких судах было одно удовольствие. А пока Зюбину досталась каюта на нижней палубе, вместе с мотористом Симахиным, который имел привычку покуривать, лежа в кровати, и это очень не нравилось некурящему Зюбину. Но он решил потерпеть до получения места на финском или шведском теплоходе. В конце концов, не до бесконечности же будет Регистр подтверждать документально то, что для мирового мореплавания парходом не являлось. А поскольку они с Симахиным по очереди ходили на вахту, то Зюбину иногда доводилось подышать и чистым воздухом.

В японский порт они пришли без опоздания, пора осенних тайфунов еще не наступала, и можно было совершать переходы без укрытия в безопасных бухтах нашего или японского побережья. Первый помощник капитана прочитал им лекцию о таможенных правилах и нормах поведения в иностранном порту. Они были просты, но Зюбин никак не мог врубиться, улавливая какие-то пределы личных потребностей, свыше которых нельзя было приобретать на берегу и которые для Зюбина были на сегодня очень расплывчаты, какие-то признаки контрабанды, чем Зюбин вообще не собирался заниматься, и еще что-то о политической бдительности и происках империализма. Тут он даже и не слушал, поскольку считал себя надежно и прочно подкованным. Он немного волновался, хотя знал, что пойдет в увольнение не один, а в сопровождении опытных товарищей, знающих и без лекций, как себя вести в чужой стране.

В его группу вошли еще два матроса и третий помощник капитана, назначенный старшим. Перед увольнением выдали иностранную валюту. Наконец-то, у Зюбина в руках захрустели настоящие тысячи, и, хотя их было всего три - причитающиеся за этот рейс, Зюбин все равно почувствовал, что перелом в его жизни наступил. Он аккуратно спрятал купюры за обложку записной книжки: мафия в Японии, по слухам, действовала в открытую, и надо было проявлять бдительность во всем.

Он сошли с трапа судна, и у Зюбина зашло сердце от этого простого действия - земля под ногами была уже чужая, бог его знает, кем утопанная за тысячу лет до него. Группа вышла за территорию порта и двинулась по шоссе в город.

- Вон, вон? - тревожно закричал Зюбин, указывая на высокий зеленый автобус, приближающийся к ним, и непроизвольно рванулся вперед, опасаясь, что порядки здесь такие же, как и у них, и автобус промчится мимо остановки. Но, к его удивлению, никто из товарищей даже не прибавил шагу.

- Вы чего, мужики? - озадаченно спросил Зюбин. - Время-то ограничено.

- Езжай, езжай, - сказали ему приятели, - такси еще свистни. У тебя валюты как раз в один конец хватит - ты же зарабатываешь ого-го! А мы лучше пешочком пройдем, зато пару кроссовок купим на сэкономленные.

- Пешочком? - не веря им, Зюбин посмотрел на белеющие вдалеке ровные пенки высотных зданий.

- Это ж сколько идти?

- С часик уйдет.

- А, черт с ним, - махнул рукой Зюбин, с сожалением провожая глазами промчавшийся мимо красивый автобус, - хоть посмотрим, как живут бедные японцы.

Гуськом они пошли вдоль обочины, в полном одиночестве, поскольку местные жители таких расстояний пешком не преодолевали. Мимо них, высококачественно шурша шинами по асфальту, мчались "Тоеты", "Мазды" и "Датсуны", в которых, по рассказам очевидцев, имелись встроенные кондиционеры, что было очень кстати в такую жару, как сегодня. И так же, как о финском теплоходе, Зюбин сладко подумал на будущее о японской "Тоете" с кондиционером. Парни шли молча, им не интересен был пейзаж, наблюдаемый в каждом рейсе, а Зюбину вспомнилась жена с детишками. Видели бы они его сейчас! Хотя нет, лучше не сейчас, попозже, когда он войдет в супермаркет и будет тратить свои тысячи.

Наконец, появились первые дома, вначале небольшие, крытые волнистой черепицей, потом многоэтажные. Они свернули в узкую улочку, и вскоре третий помощник уверенно вывел их к универмагу. Здесь было много народу, люди двигались во всех направлениях, но как-то несуетливо, не создавая пробок у дверей, не ломясь в отделы. Четко и ненадолго останавливались у обочины дороги такси и микроавтобусы.

- Через полтора часа на этом же месте, - сказал старший группы, и моряки дружно растворились в толпе. Не зная, сразу ли приготовить свои деньги или достать их перед самой покупкой, Зюбин потрогал записную книжку и вошел в страну чудес.

Разумеется, как и говорили, здесь было все. Настолько все, что Зюбин забыл про свои деньги, потому что на его тысячи самое большее, что можно было сделать, - это шикануть здесь же, в баре, купив банку пива с крабовыми палочками.

Через час он вышел на улицу совсем с другой стороны здания и огляделся. В ушах гудело, а в глазах пестрило от прилавков и рекламы. Он хотел уже было отправиться на поиски условленного места, но заметил через дорогу несколько маленьких магазинчиков, скорее лавок, и подумал с надеждой, что там он сможет хоть что-нибудь приобрести в доказательство своего пребывания в чужой стране.

В магазинчике, который он определил как лавку повседневных товаров, никого не было, кроме пожилого японца за прилавком - то ли продавца, то ли хозяина. Зюбин прошелся вдоль полок, крутнулся раз-другой и сразу увидел то, что ему и было нужно, - джинсы. Он потрогал штанину и поискал цену на этикетке. А, найдя, чуть не сделал вздох величайшего облегчения: валюты ему хватало. Успокоившись, теперь уже с видом знатока, выбиравшего нужный товар, Зюбин исследовал джинсы повнимательнее, прикинул качество. Качество удовлетворяло. Тогда он смело взял брюки и направился к хозяину. Пожалев, что не приготовил деньги заранее, Зюбин смущенно достал записную книжку и на глазах у японца вытянул купюры. Не подавая виду, что покупатель чем-то разочаровал его, хозяин отсчитал сдачу и понимающе окинул взглядом запыленные башмаки Зюбина, пропотевшую рубашку. И вдруг постучал пальцами по столу, как бы предлагая Зюбину задержаться.

- Чотто матэ кудасай! - сказал он и ушел куда-то в глубь лавки.

"Как бы не было провокации", - забеспокоился Зюбин и тревожно огляделся. На ум полезли предупреждающие лекции первого помощника капитана, но спасительный выход был рядом, за окном шумела улица.

Японец вернулся быстро, бросил что-то на прилавок, и поскольку Зюбин не рискнул притронуться к тому, чего он купить уже не мог, то японец сам развернул сверток. Это была легкая и броская куртка, Зюбин, конечно, не прочь был бы приобрести такую для себя, да и для жены тоже. Что-то удивительно знакомое бросилось ему в глаза, и он, приглядевшись, заметил выше нагрудного кармана этикетку с надписью на русском языке. "Полевые работы не ждут", - с удивлением прочитал он.

- О кей! - засмеялся Зюбин и показал отставленный большой палец.

Японец согласно кивнул головой, но не улыбался, изучая Зюбина узкими, как затемненные фары военного автомобиля, щелочками глаз. Он взял карандаш и чиркнул в блокноте: "1500". Зюбин разочарованно развел руками. Но японец не успокоился, пошарил в столе и, найдя что-то, протянул открытую ладонь. На ней лежала монета - советский рубль. У Зюбина было три металлических рубля. Никто про них не спросил перед отходом судна в рейс, и Зюбин забыл, что они вообще у него есть. Конечно, ему не жалко было отдать всего три рубля за такую куртку, но он вспомнил, что на одной монете было изображение Ленина, и Зюбин не знал, можно ли такую монету отдавать иностранцу. Ему не хватало знаний на этот счет, в лекциях об этом не рассказывалось, и он боялся, что это пустяковое дело приобретет политическую окраску. Чутье подсказывало, что это нехорошо, а почему нехорошо, он не смог бы объяснить. Если рубли с таким же профилем можно отдать спекулянту или купить на них бутылку водки, то хорошо это или плохо для изображения?

Как бы рассеивая его сомнения, японец достал еще несколько монет, среди которых Зюбин заметил также и со знакомым силуэтом. Это меняло дело. "Одной больше, одной меньше", - решил Зюбин и согласно кивнул головой.

-О кей!

Он выложил три металлических рубля и, уловив кислую гримасу на лице хозяина, который, возможно, ожидал большего, выгреб еще и все оставшиеся йены. Японец на йены не обратил внимания, а, приглядевшись к одной из монет, посвященной олимпиаде, сказал удовлетворенно: - Хай! - и смахнул монеты в стол.

Зюбин поспешно сложил покупки в сумку и, как ошпаренный, выскочил наружу, забыв попрощаться с хозяином чудной лавки. Настроение его сравнялось по высоте с небоскребами на противоположной стороне улицы. Вот так удача! Опытные мужики рассчитывали на какие-то паршивые кроссовки, а он, салага в этом деле, буквально, за гроши приобрел две стоящие вещи.

"Куртку возьму себе, а джинсы отдам жене, - решил он великодушно. - А в следующий раз что-нибудь детям привезу. Зайду к тому же чудачу. А рубли-то идут и здесь", - мелькнула опасная мысль, и Зюбина от нее бросило в жар. Чтобы классифицировать фокусы с рублями, знаний у него хватало. "Нет, - твердо сказал он себе, - только не это".

Условленное место встречи он нашел быстро, однако все равно оказался последним. Все уже были в сборе и курили, ожидал только его. С покупками у них было жидковато - это Зюбин отметил сразу.

- Ты не шути с этим! - предупредил третий помощник. - Это тебе не в комиссионке на Пирогова. Ну, двинули!

И опять гуськом они шли по нагретому асфальту, и опять неслись мимо "Хонды" и "Тоеты", в которых сидели странные люди, мечущиеся по дорогам в поисках неизвестно чего, ведь все можно было купить и достать в одном месте. Говорить не хотелось, потому что если говорил идущий сзади, то остальным приходилось оборачиваться, а если говорили впереди, то вообще ничего не было слышно. Шелест автомобильных шин доходил почти до визга, когда скорость достигала ста миль в час. Только удачная покупка смягчала Зюбину неприятные ощущения от такой утомительной прогулки по жаре.

На судно они прибыли вовремя, отметились у вахтенного помощника и разошлись по каютам - первое увольнение закончилось. Теперь, уже успокоенный окончательно, чувствуя себя в полной безопасности за ржавыми бортами "Сибирьлеса", Зюбин добрался до своей каюты и закрылся на ключ. Напарник находился на вахте, а Зюбину не терпелось прикинуть покупки на себе. Он набросил куртку на плечи и подошел к зеркалу возле умывальника. Зеркало было небольшое и отражало только голову и грудь до карманов куртки. Но и этого было достаточно, чтобы убедиться: хорошо. Несколько удлинненное лицо его выглядело усталым, щеки казались плохо выбритыми,

но "коричневые" глаза поблескивали ярко и победно. Не спеша примерил и брюки. Жене, конечно, будут великоваты, но ничего, подогнет штанины, пришпилит, где надо, и сойдет за первый сорт. Собрав опять все в сумку, Зюбин прилег отдохнуть и неожиданно уснул.

Вечером уже спать не хотелось, тем более, что Симахин, вернувшись с вахты и воспользовавшись случаем, успел выкурить сигарету. Зюбин склонился со второго яруса и навис над соседом.

- Слушай, Коля, я не силён в этих правилах, но вот, если мне, скажем, дали в придачу к покупке еще что-то, это можно?

- Если календарь, то ничего.

- Нет, не так спросил. Скажем, обменялись с кем-нибудь на берегу?

- Смотря что. Если значок на ручку, то ничего.

Зюбин откинулся к стенке. Толку от Симахина не добьешься, но, по-видимому, ничего страшного он не совершил.

- Приобретать на берегу вещи можно только на законно полученную валюту, - неожиданно ясно, по-книжному сказал Симахин. - При таможенном досмотре у тебя сличат зарплату и покупки. Лишнее хапнут.

- За что? - подкинулся с места Зюбин, будто у него уже отбирали незаконно полученную куртку. Но он тут же успокоился и решил более не заводить разговоров на эту тему, хотя раздражение на глупые правила не покинуло его. Тысячи йен уже не казались Зюбину такими внушительными, как раньше, он переводил их в рубли и мысленно чертыхался. За какую-то тысячу йен, то есть, за четыре с половиной рубля, он может оказаться в контрабандистах - вот так чудеса!

Зюбин тревожно продремал эту ночь, впервые за все время плавания по морям раздраженно ощущая работу главного двигателя, удивляясь, как он мог раньше спать при таком выматывающем нервы шуме. Через два дня судно встало на якорь в родном порту и, выкинув желтый карантинный флаг, замерло в ожидании портовых властей. Власти не заставили себя ждать и вскоре появились на палубе, бодрые, шумные, уселись в кают-компанию и с удовольствием приняли приглашение выпить по чашке кофе. Зюбину как раз с утра надо было заступать на вахту. Он уже прикидывал, не сказаться ли сегодня больным, чтобы на время досмотра быть в своей каюте, но побоялся этим только привлечь к себе особое внимание: больной на пришедшем из-за границы судне - это ЧП. Но чтобы уйти, надо было что-то решить с курткой. Воспользовавшись временным отсутствием напарника, Зюбин прошелся по каюте и осмотрел все углы. Вначале он подумал сунуть ее под хлам в выдвижном ящике нижней кровати, но это было слишком просто. Снять плафон с потолка и спрятать на подволоке - это надежнее, но займет много времени. Расхаживая по каюте и проклиная весь российский флот, из-за которого он вынужден жить в каюте вдвоем, а то и втроем, не имея возможности уединиться, Зюбин достал куртку, свернул ее колбаской и засунул в рукав пиджака, висящего на вешалке в шкафу. Для верности накинул сверху еще и плащ. Теперь, как ему казалось, все выглядело очень прилично и невинно. Немного успокоенный, он ушел к трапу - месту дежурства.

Зюбин ходил по палубе и кидал короткие взгляды в иллюминатор кают-компания, где работала комиссия. Таможенников было всего трое, и Зюбин решил, что они не придают особого значения их рейсу, по рассказам парней, бывали досмотры с участием десяти и более таможенников. "Пробегут по каютам и смотаются, - решил Зюбин. - Что им эта ржавая посудина?" Более или менее успокоив себя, Зюбин перестал маячить перед иллюминаторами и уставился на близкий берег, где уже, конечно, через диспетчера порта Люба узнала о приходе судна и готовится к встрече. Все помыла, надраила окна и приготовила пельмени. Возможно, что и винца купила по такому случаю.

Отсюда были видны улицы Портовая и Победы. По ним бежали желтые автобусы и маленькие, игрушечные легковушки. Картина прибрежной жизни была не такой броской, какую он наблюдал при подходе к Японии, но гораздо теплее, уютнее. Зюбин размяк от предвкушения встречи с семьей и не сразу включился в прозвучавшее по громкой связи объявление, но вздрогнул, поскольку в этом объявлении ясно и резко прозвучала его фамилия. "Матросу Зюбину срочно прибыть в свою каюту!" - это уже во второй раз прогремело по всему судну. Он заметался по палубе, едва не упав в коридор, зацепившись за высокий порог, и почти побежал к своей каюте. Тяжело дыша, он распахнул дверь, вошел, окинул взглядом помещение и сразу все понял.

На диване лежал, а вернее, валялся его пиджак с вывернутым левым рукавом. Рядом с ним куртка. Симахин уныло наблюдал, сидя на своей кровати, за молодым инспектором таможни, который сидел за столом и что-то писал. Слово "протокол" резануло Зюбина по глазам. Он подошел ближе, чувствуя, как внутри у него все сжалось от приближающегося удара, от которого не было защиты.

- Вызывали? - спросил Зюбин, читая краем глаза ниже слова "протокол" добивающие всякую надежду на ошибку слова: "задержания предметов контрабанды"

- Да, - молодой инспектор поднял на него остренькие глазки, которые вряд ли могли что-либо прочитать в смятенной душе Зюбина, а, скорее всего, стали такими после обнаружения, возможно, первой в его жизни контрабанды. - Это ваша куртка?

Сказать "нет" означало ввязать в это дело ничего не подозревающего Симахина, поскольку кроме них двоих никого в каюте не бывало, и Зюбин, разведя руками, вдруг сказал фразу, которая родилась неведомо из каких недр его подсознания и никогда до этого не произносилась им вслух:

- Твоя взяла, начальник, моя куртка.

Он подошел к дивану, нарочно спокойно начал приводить в порядок костюм, приладил его на вешалку и повесил в шкаф.

- А где взяли валюту? - продолжал дознание инспектор. - У вас не сходится по зарплате.

- Валюта? Зарплата? - рассмеялся Зюбин, освобождаясь от прошлого напряжения и страхов. - Какие слова? Моя дневная зарплата в валюте равна стоимости билета на электричку в японском захудалом городке. Валюты у меня было три тысячи йен, а куртку эту я купил за три рубля.

- На барахолке эта куртка стоит не менее ста рублей! - повысил голос инспектор.

- А я при чем? - кричал Зюбин, не замечая, что в каюту уже заглядывает обеспокоенный первый помощник и слушает их разговор. - Я не виноват, что на рынке это барахло стоит сто рублей, и я не собираюсь идти на тот рынок: мне самому она нравится. Я лучше жене ее подарю!

- Хорошо, что вы уже никому ее не подарите, - заметил первый помощник. - Как можно дарить вещь или носить ее самому с такой провокационной надписью?

- Провокационная? Чем же это? Да эту надпись надо размножить и лепить везде: на стенах, рубашках, партийных билетах, на штанах! - Зюбин в экстазе хлопнул себя по заду, где должна быть воображаемая эмблема с надписью. - Учите бдительности! Не ходить, не разговаривать, не ввязываться, не брать, не читать, не знакомиться... А я хочу ходить, разговаривать, знакомиться и даже выпить по кружке пива хочу с тем японцем!

Первый помощник заметно побагровел.

- Ну, Зюбин, отходил ты за границу, - сказал он с угрозой и удалился.

На некоторое время в каюте воцарилась тишина. Нарушил ее Симахин, в расстройстве чиркнув спичкой и закулив прямо в кровати.

- Ну, ясно, - со вздохом сказал инспектор таможни и подвинул протокол. - Распишитесь.

Когда таможенник ушел, Симахин соскочил с кровати и постучал себя по лбу.

- Ну и дурень ты, Зюбин! Нашел куда спрятать. Контрабандист, тоже мне! Посоветовался бы уж.

- Да хрен с ним, - устало махнул рукой Зюбин и присел на диван.

- А теперь визы лишат, - уныло сказал Симахин.

- За три рубля-то? Пугает...

- Дело не в рублях, а в ярлыке, который ты только что заполучил. Теперь ты для отдела кадров - контрабандист, а где ты видел, чтобы контрабандисты ходили за границу? Хана, как говорят японцы.

- Чухня, - пробурчал Зюбин, закрывая глаза и проникаясь осознанием, что все это чистая правда. Все рухнуло. Японские цветные телевизоры и джинсы стали опять недосыгаемыми и прекрасными в своей недоступности. Он с запоздалой тоской подумал о том, что напрасно пожалел денег, то есть - тьфу! - валюты, и не сфотографировался возле супермаркета, когда ему предложил уличный фотограф. Штаны все равно износятся, а фотография осталась бы надолго.

Зюбин шел по улице, неся в пластиковой сумке джинсы. Куртку, как и предрекал Симахин, конфисковали. Когда он в задумчивости наткнулся на прохожих, то бурчал недовольно: "Смотреть надо!" Хотя смотреть надо было ему самому. После беседы с капитаном, Зюбин убедился, что визы ему и в самом деле не видать. И что тогда? Малый каботаж? Плевать он хотел на малый каботаж! Ловить усмешки, слушать слова сочувствия, стать фигурой назидания первых помощников - нет уж, дудки!

Возле колхозного рынка, несмотря на рабочий день, роился народ. Торговали всякой всячиной. Зюбин видел на прилавках кучи вязаных шерстяных изделий, горы домашних тапочек, заросли веников и прочей чепухи, неизвестно кому нужной. На углу овощного павильона старик-умелец показывал чудо кустарщины - машинку для штопки чулков. Вещь была полезная, но стоила дорого, и Зюбин пошел дальше. Но тут на него, как цветные колобки, выкатились молодые цыганки в длинных юбках и цветастых платках. Одна из них ухватила Зюбина за рукав.

- Возьми для детей, парень, - она откинула с руки платок и показала целую пачку аппетитно разукрашенных пластиков жевательной резинки. Глаза его загорелись при мысли о таком подарке своим малышам.

- Сколько?

- Двадцать пять.

- Рублей? - ахнул Зюбин.

- А то чего? Ходи сам за границу и покупай дешевле, - дружелюбно, чтобы не спугнуть случайного покупателя, улыбнулась цыганка.

- Черт с ним, давай! - Зюбин достал кошелек и отсчитал деньги, убеждая себя, что радость детей окупит такие непомерные расходы.

Он открыл дверь малосемейки и чуть не завалился от бросившихся ему под ноги Сережки и Маришки.

- Папка из Японии приехал! - наперебой кричали они, прыгая возле отца.

Люба поцеловала его в щеку, игнорируя запах пива, густо идущий от мужа. Первый рейс за границу прошел удачно - это было ей понятно. Круглое лицо ее было испачкано мукой - насчет пельменей он, видимо, не ошибался. Зюбин достал пачку жвачки, разорвал упаковку и высыпал на пол плоские цветные пластики. Дети с визгом кинулись их собирать. Он протянул сумку жене и кратко сказал:

- Тебе. Подвернешь только маленько.

Опять они устроились ужинать в "зале". Старенький телевизор пыжился изо всех сил, лишь изредка передергиваясь на экране то полосой, то зигзагом и поскрипывая не мужским, не женским, а каким-то баском среднего рода. Зюбин был необычно молчалив для такого вечера, и жена вскоре заметила это. Она понаблюдала за мужем и, наконец, не выдержала:

- Ну, как там, в Японии?

- В Японии? - криво усмехнулся Зюбин. - В Японии все нормально, у них проблем нет.

- А у кого проблемы, Дима?

- Проблемы у меня, - причмокнул Зюбин.

- И мне проблемы! - крикнула Маришка, уловив вкусное, по ее мнению, слово.

- Контрабандист я, - тихо, чтобы хоть это слово не долетело до детей, угрюмо пояснил Зюбин, боясь взглянуть в доверчивые глаза жены. - Вот это и проблема.

- Как! - ахнула жена. - Тебя подкупили?

- Лучше бы уж подкупили, - усмехнулся Зюбин, - хоть было бы за что страдать.

- Выгонят с работы?

- Да нет, сам уйду. В кочегарку, - вдруг твердо сказал он.

- Почему в кочегарку? Дмитрий?

- Там сменная работа. Куплю себе кусок земли, построю дачу, буду выращивать огурцы и ягоды.

Краем глаза он заметил, как что-то темное в отсвете экрана поползло по ее щеке. Жена беззвучно плакала, боясь нарушить веселье детей, которые строили из пластиков жевательной резинки дом.

- А как же квартира? - обреченно спросила она. - Кто нам теперь ее даст?

- А что, в кочегарке не люди работают? И там, поди, очередь есть.

Зюбин начал убеждать, что лучшего места для начинающего садовода и в самом деле нет. Тьма свободного времени. Он построит на участке домик, засыпет стены шлаком - шлак-то, вот он, бесплатно и сколько хочешь. И зимой в тепле. Что еще надо? И мигающий экран телевизора показался Зюбину полыхающей топкой котла, которую он должен исправно заряжать топливом.

Вскоре они встретились - бывший матрос и полыхающая пасть топки. Собственно, было целых четыре пасти. Одна резервная, а остальные три требовалось поддерживать в кипяще-злющем состоянии. Зюбин набивал чугунные пасти твердым топливом, после чего они на некоторое время удивленно затихали, а потом начинали гудеть и свирепели до такой степени, что казалось: пламя выдавит чугунные крышки, вырвется наружу и охватит жаркими объятиями своего кормильца.

Федор Кусков, напарник Зюбина по смене, как всегда в ночную одинокую смену, подошел к нему и, протягивая стакан сказал:

- И что ты, Дима, такой злой на них? И кочегаришь и кочегаришь... Не в машинном отделении броненосца "Потемкина" находишься, отсюда далеко не оторвемся. На-ка, пригуби.

Зюбин выпил, хрустнул выданным огурцом и сел на скамейку. Напарник сел рядом. Они молча послушали гуд печей подождали, пока от жара не защипало кожу на лице, и тогда Федор невпопад спросил:

- Ну, вот ты, Дмитрий, бывал за границей, расскажи как у них с этим делом? - он звонко щелкнул по стакану пальцем.

Зюбин откинулся к стене и закрыл глаза. Как там у них? Не забываемые картины иногда тревожили его по ночам. Они несколько отличались от тех, что показывал старенький черно-белый телевизор в международных передачах, как отличается глоток пива от рекламы по его продаже.

- Попроще там, Федя, - сквозь наплывающую дремоту ответил Зюбин. - Зашли мы как-то в Ниигату. Город, скажу тебе, как сон. Чисто, как у нас примерно в квартире, где баба не лентяйка, хоть босиком ходи. На улицах везде автоматы: сигареты, спички, пиво - все, что может понадобиться любому мужику в любую погоду. Кафе и барчики на каждом углу. Входишь, пальцами щелкнул - и он тут как тут, в белой рубашечке, салфеточка на руке. Опять же пальцем показываешь - у них на фото все блюда, а он светится, светится, чувствует, что у тебя в кармане тысяч пятьдесят есть....

Ему казалось, что он говорит и говорит. О ночных огнях Ниигаты, которые он видел только в рекламных проспектах; о подвесной дороге над городом, увиденной им издали; об удивительных домах-небоскребах, кристаллами вырастающих из кварталов; о синтоистских и буддийских храмах, которых он не видел ни в проспектах, ни наяву, а только слышал о таких.

Но на самом деле он уже дремал, и ему уже что-то рассказывал. Федор, споря и горячась, сравнивая непонятную Ниигату со своим сибирским городком, в котором тоже все было только без всяких там салфеточек и автоматов, - у старухи Дарьи и деда Григория, в любое время суток и

сколько хочешь. Можно даже в долг. А подвесной мост через речку Каменку! Какая там Ниигата, к черту...

Федор налил еще по одной, но, заметив, что Зюбин давно уже спит, обиделся и ушел к столу, за которым они обычно обедали и делали мелкий слесарный ремонт. Федор угрюмо чертил вилкой по столу, озлобившись оттого, что Зюбин уснул не в свою очередь и проспал больше положенного. Такое случалось всегда после второго стакана и рассказов о Японии, а сегодня, вот, случилось сразу после первого.

А жаркие чугунные топки - равнодушные участники ночного разговора, гудя и распаяясь, тоже стремились рассказать о своем топочно-пламенном преимуществе, и в долгую зимнюю ночь спорить с ними на эту тему было трудно.